

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО В РАМКАХ ПОСТАЛЬТЮССЕРИАНСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Сергей Александрович Ребров,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
naruto639@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Ребров С. А. Понятие политического в рамках постальтюссерианской парадигмы // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 28–42. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_28

Аннотация

Французский мыслитель Л. Альтюссер известен в первую очередь как основоположник структуралистского марксизма – философского течения, зародившегося в 60–70-е гг. XX столетия и основанного на новой интерпретации учения К. Маркса. Этот подход ставит под сомнение отсутствие самостоятельного статуса у политического внутри марксистской интеллектуальной традиции, что зачастую выражалось в экономической интерпретации любого политического процесса. Кроме того, Л. Альтюссер стал основателем собственной научной школы, влияние которой испытали многие ключевые представители современной политической философии. Цель настоящего исследования заключается в характеристике эволюции постальтюссерианской политической философии на основе сравнения идей ее некоторых представителей с исходными текстами Л. Альтюссера. Автор статьи с опорой на герменевтический метод П. Рикёра стремится выстроить общую генеалогию различных направлений постальтюссерианской теории, анализируя работы таких мыслителей, как Э. Балибар, А. Негри, Ж. Рансьер, А. Бадью, Э. Лаклау, Ш. Муфф. В процессе исследования доказываемся, что наиболее существенные различия между подходами данных мыслителей заключаются в их оригинальных интерпретациях политики и политического как

© Ребров С.А., 2022

базовых понятий политической философии. На основе сравнительного анализа автор статьи выделяет три ключевых направления современного постальтюссеризма и приходит к выводу, что представители данных направлений опираются на произведения французского философа, относящиеся к разным периодам его творчества. Дальнейшее расхождение в интерпретации альтюссеровского наследия происходило под влиянием других направлений социально-политической философии, в том числе операизма, делезианства, грамшианства, шмиттианства. Все это в конечном итоге привело к формированию различных подходов к определению политического в рамках постальтюссеризанской парадигмы.

Ключевые слова:

марксизм, постмарксизм, политическая философия, Альтюссер, постальтюссеризм, гегемония, множество, антагонизм, эмансипация.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_28

THE CONCEPT OF THE POLITICAL IN THE POST-ALTHUSSERIAN PARADIGM

Sergey A. Rebrov,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
naruto639@mail.ru

Article received on December 10, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Rebrov, S.A. (2022). The Concept of the Political In the Post-Althusserian Paradigm. *Discourse-P*, 19(1), 28–42. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_28

Abstract

The French thinker Louis Althusser is known primarily as a founder of Structural Marxism – a philosophical trend that originated in the 60s and 70s of the 20th century and based on the new interpretation of Marx’s theory. This approach calls into question the lack of independent status of the political within the Marxist intellectual tradition, which was often expressed in the economic interpretation of any political process. In addition, Althusser was also the founder of his own scientific school, the influence of which was experienced by many key representatives of modern political philosophy. The purpose of this research is to characterize the evolution of the post-Althusserian political philosophy on the basis of comparing the ideas of some of its representatives with the source texts of Althusser. The author of the article, relying on the hermeneutical method of P. Riker, tries to build a general genealogy of various trends of post-Althusserianism, analyzing

the works of such thinkers as E. Balibar, A. Negri, J. Ranciere, A. Badiou, E. Laclau, and Ch. Mouffe. The study reveals that the most significant differences between the approaches of these authors are in their original interpretations of policy and the political as fundamental concepts of political philosophy. Based on a comparative analysis, the author of the article identifies three key directions of modern post-Althusserianism and comes to the conclusion that their representatives rely on Althusser's works belonging to different periods of his oeuvre. Further divergence in interpretation of the Althusserian legacy occurred under the influence of other directions of socio-political philosophy, including Workerism (or Operaismo), theories of G. Deleuze, A. Gramsci, and C. Schmitt. Eventually, all this has led to the formation of various approaches to the definition of the political in the post-Althusserian paradigm.

Keywords:

marxism, post-marxism, political philosophy, Althusser, post-Althusserianism, hegemony, multitude, antagonism, emancipation.

Введение

В контексте современных дискуссий о политическом как об одном из базовых концептов современного философского знания теоретики марксизма исторически занимали неоднозначную сторону. Несмотря на жесткие позиции в отношении задач осмысления политической борьбы социальных классов, многочисленные сторонники К. Маркса всячески подчеркивали ограниченность политики как исключительной сферы классовых обществ, которой, в свою очередь, просто не должно быть места в будущем коммунистическом обществе по причине неизбежного снятия (нем. *Aufhebung*) данного типа противоречий. Так, даже современный неомарксистский теоретик Ф. Джеймсон справедливо указывает на парадоксальное сходство марксизма и либерализма в теме общего стремления к абсолютной рационализации системы управления посредством замены политики всеобщей экономической выгодой. Продолжая данную линию аргументации, Ф. Джеймсон описывает необходимость постепенного отказа от политической мысли как от духовного следствия процесса всеобщего отчуждения (Jameson, 1992, p. 265). В схожем ключе рассуждает и современный политический теоретик П. Розанваллон, рассматривающий учение Маркса в плоскости продолжения рыночной утопии А. Смита (Розанваллон, 2007, с. 192).

Так или иначе, проблематика политического внутри марксистской интеллектуальной традиции изначально не имела самостоятельного статуса, что зачастую выражалось в экономической интерпретации любого политического процесса. Однако уже во второй половине XX в. данный аспект наследия Маркса был подвергнут существенной критике, во многом связанной с именем французского мыслителя Л. Альтюссера, предложившего новый подход к пониманию задач политической философии как дисциплины. Последующее поколение его учеников, отдельные представители которого в разной степени отстранились от исходных постулатов общего направления, внесли существенный вклад в общий контекст реинтерпретации базовых оснований политической мысли

как таковой. Дальнейшее зарождение постмарксизма как широкого спектра различных направлений критической теории ключевым образом касалось мыслителей-постальтюссерянцев, многие из которых до сих пор остаются ключевыми фигурами современной политической философии.

То обстоятельство, что альтюссерянское понимание сферы политического имело широкое пространство для дальнейшей рецепции данного подхода среди ряда его бывших учеников и последователей, в конечном итоге послужило причиной для разделения отдельных представителей некогда единой школы. Последующее закрепление сторонников той или иной линии постальтюссерянской теории за конкретной интерпретацией политики как базовой категории человеческих взаимоотношений и послужило возникновению трех направлений мысли среди бывших сторонников Л. Альтюссера. Стоит особо отметить, что сравнительный анализ данных течений демонстрирует, что между ними существуют как общие точки согласия по определенным идейно-теоретическим вопросам (наподобие критического отношения к любым возможным концепциям «гармоничного общества»), так и значительные расхождения. Так, сторонники спинозистской линии (Э. Балибар, А. Негри) настаивают на необходимости политизации всех возможных областей социальной жизни населения с целью ликвидации современной структуры власти капитала и государства. В это же время теоретики гегемонистского направления (Э. Лаклау, Ш. Муфф) подчеркивают непосредственно антагонистический характер самой сферы политического, регулирующей посредством постоянной борьбы за гегемонию со стороны тех или иных социальных групп, идентичность которых находится в постоянном становлении. На контрасте с обоими вышеописанными направлениями теоретики ультраполитики (Ж. Рансьер, А. Бадью) рассматривают саму по себе политику в качестве крайне редкого явления, базовые характеристики которого относятся к исключительному событию подрыва устоявшейся системы иерархии. С этой точки зрения сама политическая философия как дисциплина, претендующая на наиболее точное осмысление политики, должна быть отброшена вследствие ее неразрывной связи с существующей системой классового господства (Бадью, 2005, с. 103–104).

Цель данной статьи – проанализировать различные направления эволюции постальтюссерянской политической философии в контексте общего сравнения их позиций с исходным источником в виде корпуса текстов Л. Альтюссера. Пользуясь классификацией постальтюссерянских теорий политической субъективности, которая в свое время была предложена С. Жижekom (2014, с. 233–235), мы, тем не менее, поставили перед собой задачу – модернизировать его типологию за счет новых источников, способствующих более содержательному пониманию базовых постулатов постструктуралистской интерпретации марксизма. В рамках построения новой системы классификации различных течений современного постальтюссерянства нами были подробно проанализированы ключевые особенности использования таких понятий, как «политика» и «политическое» среди наиболее известных учеников и последователей Л. Альтюссера. Опираясь на совокупность методик философской герменевтики, разработанную в конце 1960-х гг. французским философом П. Рикёром (2008), нами было проведено качественное сравнение отдельных положений исходной мысли создателя школы структуралистского марксизма, что в контексте после-

дующей реинтерпретации его идей послужило основанием для формирования собственной позиции в отношении его конкретных произведений.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что непосредственно разрыв в понимании сущности политики как базовой категории всей политической философии послужил главной причиной размежевания различных постальтюссерианцев друг от друга, что, в свою очередь, способствовало сближению их подходов с рядом альтернативных традиций в истории политической философии (шмиттианство, Спинозизм и др.). В этой связи основным объектом нашего исследования является интерпретация понятия политического в работах представителей трех направлений постальтюссерианской философской мысли: спинозистского, ультраполитического и гегемонистского.

Результаты исследования

Основу постальтюссерианских теорий политической субъективности, как впрочем и всей постсовременной политической философии, составляла критика предшествующих традиций понимания сущности политики как одной из центральных категорий философского знания. Вспоминая историко-философскую типологию Л. Штрауса, разделившего историю политического знания на классический и современный этапы (подробнее см. Штраус, 2000), стоит подчеркнуть, что нынешние политические теоретики в своей массе выступают против как морального универсализма классических мыслителей, так и против геоцентристских амбиций политических философов Нового времени, связанных с поиском универсального объяснительного принципа всей структуры социальной жизни всего человеческого общества. Критический анализ классической философии, представители которой на уровне базовых посылок стремились к созданию максимально обобщающих понятий, основанных на качественных характеристиках всего человеческого бытия, позволил постальтюссерианцам максимально уйти от универсалистских схем предшествующих парадигм в истории политического знания. Другими словами, большинство нынешних представлений о назначении политического исходит из определения самой политики как процедуры выхода за пределы существующей системы иерархии, построенной на сдерживании революционного потенциала широких масс (а не средства классического осуществления власти). В этом смысле точка зрения нескольких учеников и последователей Альтюссера напрямую соответствует данному ходу мысли.

Касаясь базового основания различных направлений постальтюссерианской теории, стоит подчеркнуть, что основной корпус текстов Л. Альтюссера не содержал в себе фундаментальных произведений, посвященных непосредственно определению политики и политического. Несмотря на то, что публикация посмертных рукописей французского мыслителя полностью перевернула традиционные представления о характере его политической философии, прижизненные работы Альтюссера лишь вскользь касались определения политики как категории философского знания. Вместе с этим, как указывает греческий исследователь П. Сотирис, уже концепция сверхдетерминации содержала в себе теоретическое обоснование возможности политического вмешательства в объективный структурный процесс с целью его дальнейшего преобразования (Sotiris, 2020, p. 340). Помимо данного аспекта творчества создателя школы

структуралистского марксизма, уже в его прижизненных работах содержалась масштабная критика гуманистического понимания истории как процесса всеобщего отчуждения, стремящегося к возвращению некоей исходной сущности всего человечества. Посредством радикального антитеологизма, ставшего основанием для альтюссеровской интерпретации истории как бессубъектного процесса, французский философ отстаивал принцип отсутствия некоей изначальной структуры, развивающейся по заранее обозначенным принципам исходного объекта. Главной мишенью критики Альтюссера в данном контексте становились многочисленные историцистские направления социальной гармонизации общественных взаимоотношений, которые в рамках его системы связывались с именами таких мыслителей, как Г. Гегель и Л. Фейербах (Althusser, 2003).

Другим ключевым аспектом наследия Альтюссера, который помимо всего прочего в настоящее время рассматривается исследователями в качестве центрального элемента его понимания сферы политического, остается материалистическая интерпретация мысли Н. Макиавелли, являющаяся, по словам самого французского философа, первым в истории примером анализа политической конъюнктуры. В противовес гегельянскому проекту универсальной истории, подчиняющейся общим законам движения абсолютного духа, Альтюссер использовал конъюнктурный характер логики текущего момента политической реальности, существующей в режиме реального времени посредством столкновения внутренних акторов. С этой точки зрения подлинными характеристиками материалистического взгляда на процесс политического противостояния антагонистических групп обладает лишь та система мысли, что основана на учете всех возможных последствий объективного столкновения враждующих сторон. В этом смысле макиавеллистская теория конъюнктуры изначально исходила из случайной природы самой ситуации, развивающейся в отсутствии определяющего центра (Althusser, 1999, p. 18). Несмотря на то обстоятельство, что письменные работы Альтюссера, содержащие подробное описание его материалистического взгляда на политический процесс, стали доступны лишь в 1990-е гг., уже в работах многих его бывших учеников и последователей высказывались схожие идеи, которые тем не менее имели лишь косвенное отношение к потайному проекту материалистической критики истории политической философии самого Альтюссера.

По справедливому замечанию Д. Уэста (2015), вся постклассическая философия использовала критику классического картезианского субъекта в качестве отправной точки построения собственных систем (с. 269). В контексте непосредственно политической теории данный аспект по большей части касался как критики государства как базовой сферы политических отношений, так и поиска новых моделей революционной субъектности, отвечающих вызовам современного постиндустриального общества. Итоговый процесс поиска форм новых политических субъектов в конечном итоге привел ряд бывших сторонников Альтюссера к необходимости обращения к спинозистской стороне его учения, направленной в сторону политики множества. Анализируя современные формы политических протестов, французский философ Э. Балибар пересмотрел многие положения традиционного альтюссеризма, что сблизило его точку зрения с подходом итальянского политического теоретика А. Негри, который на определенном этапе также испытал влияние альтюссеровской интерпретации

учения К. Маркса. Опуская многие различия концептуальных систем данных мыслителей, нельзя не подчеркнуть, что эволюция их подходов в настоящее время напрямую соотносится с реактуализацией политической философии Б. Спинозы, мысль которого в этом случае и становится основанием для теоретиков спинозистской линии постальтюссериянства. Аномальный характер учения Спинозы, которое уже в период формирования национальных государств строилось на обосновании творческого потенциала множества, имеющего перво-степенный характер по отношению к структурам государственной власти, как раз и послужил основой для марксистской интерпретации его учения (Negri, 1991, p. 10). Последующее противостояние спинозизма и гегельянства в интерпретации Негри развивалось в том числе за счет противопоставления радикальной имманентности, характеризующейся внутренней нестабильностью, трансцендентному диалектическому опосредованию, стремящемуся к снятию любых форм отчуждения и неопределенности. То есть знаменитый спинозистский бог в этом смысле рассматривался в качестве имманентной причины, существующей исключительно во внутренних аффектах, что тесно переплетается с альтюссеровским понятием структурной причинности (фр. *causalité structurelle*), которое сам философ использовал в противовес историческому телеологизму Гегеля.

Так или иначе, дальнейшие дискуссии о качественных характеристиках нового революционного субъекта, способного к радикальному переустройству существующей системы классовой иерархии, ключевым образом повлияли на формирование спинозистского течения постальтюссериянства. Классические подходы к определению политического субъекта исторически обосновывались различными теоретиками в зависимости от структуры тогдашней государственной власти, что фактически и создало все предпосылки для кризиса традиционных моделей политической субъектности. В этом смысле наиболее известное столкновение понятий в истории политической философии описывалось теоретиками данного направления как противостояние гоббсианского понятия народа (лат. *populus*), основанного на идее учреждения суверенной власти посредством народного волеизъявления, и спинозистского понятия множества (лат. *multitudo*), отрицающего абсолютистский характер любой государственной власти (Вирно, 2013, с. 10–11). Сама традиция восприятия множества как возможной угрозы любой устоявшейся системе правопорядка привела к забвению политической мысли Спинозы на многие столетия, что, однако, быстро изменилось в процессе зарождения постиндустриального общества в XX в. По мысли А. Негри, нынешняя структура глобального суверенитета («Империя» в его терминологии) наследует трансцендентный характер классической политической мысли, теоретики которой мыслили государство в качестве воплощения смертного бога, порожденного непосредственно народным волеизъявлением. Экономический же тип власти, существующий в форме капитала, напротив, действует сквозь сеть имманентных потоков, стремясь к постоянному расширению контролируемых территорий. В данном аспекте подход Негри тесно переплетается с концептуальной системой Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Делёз, Гваттари, 2010, с. 119). То есть определение множественности различных субъективностей, подчиняющихся случайной логике сборки (фр. *agencement*), использовалось теоретиками спинозистского направления в качестве базовой характеристики современной политики, направленной на сопротивления мно-

жества глобальному суверену. Стоит особым образом подчеркнуть, что именно данный аспект интерпретации политики как множественности различных сингулярностей, качественно отличает подход Балибара и Негри от остальных направлений постальтюдосерианской парадигмы, представители которых отстаивали антагонистический характер сферы политического как объективного столкновения равных соперников.

В контексте сравнения концептуальных систем А. Негри и Э. Балибара можно обратить внимание на то, что ключевые понятия их политической философии строятся вокруг различных элементов современной социальной жизни. Так, исходной посылкой точки зрения Балибара становится необходимость преодоления разрыва между сферами индивидуального и коллективного, препятствующего дальнейшей эмансипации широких масс. С этой целью французский философ ввел понятие «трансиндивидуальность» (фр. *le transindividuel*), позволяющее объединить разрозненные идентичности, существующие в общем поле социальных взаимоотношений индивидов и групп, в пространстве прозрачной коммуникации, которая с этой же точки зрения рассматривается в качестве возможного будущего (Balibar, 2002, p. 171). Параллельно с преодолением оппозиций между индивидуальностью и коллективностью подход Балибара также изначально строился вокруг низового сопротивления масс непосредственно структурам трансцендентной власти, сдерживающей творческий потенциал участников низового протеста. Несмотря на то обстоятельство, что сам французский философ в данном контексте не использовал концепт множества, являющийся основным понятием политической философии А. Негри, его интерпретация современного политического протеста как формы имманентной субъектности, противостоящей властной структуре симбиоза государства и капитала, полностью вписывается в современную спинозистскую традицию интерпретации сферы политического, которая с течением времени обязана исчезнуть посредством гармонизации социальных различий.

В противоположность данному направлению постальтюдосерианства, теории ультраполитического течения настаивают на неисчерпаемом характере политики как процесса постоянного обновления существующих систем иерархии, каждая из которых рано или поздно встает на пути политической эмансипации, которая как раз и рассматривается сторонниками данного направления в качестве синонима политики как таковой. С этой точки зрения многочисленные устремления спинозистов по ликвидации сферы политического посредством упразднения всех возможных структур трансцендентной власти, которые в противовес низовым общественным организациям являются паразитическими состояниями, изначально основаны на их собственном страхе перед настоящей политической эмансипацией по причине возможной угрозы стандартизации различных сингулярностей внутри жестких социальных единств. То есть политика в этом случае становится отнюдь не институцией власти, но той силой, что объективно противостоит любому виду социального структурирования, стремящегося к распределению закрепленных мест всех участников единого процесса (Саркисянц, 2016, с. 20). Преодолевая традиционный взгляд на неизбежное противопоставление государства обществу как искусственной структуры естественному образованию, Ж. Рансьер использовал термин «полиция» в качестве базовой характеристики любой символической сети учета всех возможных

действий конкретных индивидов и групп. Другими словами, любое крупное объединение отныне могло использовать полицейскую логику структуризации всех возможных изменений, посягающих на базовые основания самого восприятия существующей системы издержек и противовесов.

Традиционный для политической философии поиск наилучшего государственного устройства, который так или иначе неявно присутствовал у сторонников спинозистской линии постальтюссерианства, отрицался теоретиками ультраполитики по причине полицейского содержания самой постановки данного вопроса. Неслучайно в рамках продолжения данного тезиса сам Рансьер склонялся к негативной оценке политической философии как дисциплины, которая еще со времен диалогов Платона полностью выстраивалась по логике абсолютной ликвидации политики внутри проекта идеального полиса (Рансьер, 2013, с. 13). Многочисленные попытки структуризации политического процесса со стороны социологических или этических теорий также рассматривались французским философом в качестве торжества непосредственно полицейской логики внутри гуманитарного знания как такового. С учетом того, что процесс политической эмансипации по Рансьеру противостоит любым полицейским структурам его подчинения, политика становится внезапным событием, способным к подрыву всей устоявшейся системы иерархий (вне зависимости от степени ее демократичности). По этой причине представители ультраполитического направления изначально выстраивали собственный подход в контексте острейшей критики рационалистического понимания сферы политического, теоретики которого стремились к созданию максимально достоверного знания о политической практике различных индивидов и групп. В свое время с аналогичной целью возникла и политическая наука как область социогуманитарного знания, против которой выступал и Ж. Рансьер.

Именно с критики подобной задачи, которую еще на раннем этапе собственного творчества поставил перед собой Л. Альтюссер, фактически началось постальтюссерианство как направление мысли. Так, наиболее острой критике со стороны Рансьера подверглась непосредственно альтюссеровская политика теории, обосновывающая классовый характер марксистской теории как подлинно пролетарского мировоззрения. В сравнении с платоновской идеей государства философов, идеи которых в общественном сознании рассматриваются в качестве обоснования общего блага всего населения полиса, критика данного подхода Рансьером заключалась в обнаружении скрытого платонизма внутри теории Альтюссера, выступающего фактическим ретранслятором полицейской логики внутри лагеря коммунистической интеллигенции (Rancière, 2011, pp. 76–77). Опуская конкретные обстоятельства пересмотра Альтюссером своих изначальных позиций, от которых он отошел уже в 1970-е гг., стоит отметить, что данная особенность фактически послужила отправной точкой для формирования оригинальной системы концептов как самого Рансьера, так и А. Бадью, выступившего с альтернативной позицией критики политической философии.

Посредством отбрасывания самой по себе сферы политического, которая, с точки зрения Бадью, выполняет исключительную функцию сдерживания подлинной политики как относительно редкого явления, пробивающего барьер существующей системы подавления истины, философ ставит перед собой цель – ликвидировать политическую философию как область знания (Бадью, 2005,

с. 53–54). То есть, как и в случае с Рансьером, политика в данном контексте теряет какую-либо связь с институтами государственной власти, превращаясь в некое подобие революционного события, преобразующего действительность. Преодоление метаполитического характера марксистского учения, обосновывающего необходимость ликвидации политики как неотъемлемой черты любого классового общества, в конечном итоге и стало главным отличительным признаком теоретиков ультраполитики, которые в противовес сторонникам спинозистской линии постальтюссеррианства настаивали на бесконечном характере политической эмансипации как возможности постоянного преодоления существующих границ.

Вместе с тем наиболее слабой стороной представителей ультраполитического постальтюссеррианства становится общая ограниченность их интерпретации политики как исключительного восстания неучтенных сообществ. За счет ограничения политической сферы структурами низовой субъектности, которые в рамках любой ситуации обязаны рассматриваться теоретиками в качестве подлинно политического субъекта, противостоящего аппаратам полицейской системы ранжирования, Рансьер и Бадью фактически осуществляют возврат к классическому гуманизму, базирующемуся на необходимости защиты всех угнетенных сообществ.

Невозможность политики сверху, которая в рамках данной системы концептов неизбежно утрачивает политическое содержание, автоматически означает, что любая аналогичная форма иерархической власти неизбежно соединится с существующими полицейскими структурами, что, в свою очередь, предполагает отсутствие какой-либо позитивной программы по преобразованию общества. В данном аспекте можно согласиться с точкой зрения С. Жижека (2014), интерпретирующего радикальное противопоставление политики и полиции по аналогии с истерическими провокациями, принятыми внутри психоаналитического дискурса (с. 326).

Так или иначе, необходимость сохранения антагонистического понимания сферы политического в совокупности с преодолением современного социалистического гуманизма, базирующегося на традиционной защите угнетенных сообществ, способствовали возникновению третьей ветви постальтюссеррианской философии, связанной с именами Э. Лаклау и Ш. Муфф. Посредством радикализации отдельных положений политической философии Альтюссера, не совершившего, по мнению сторонников гегемонистского направления, окончательного разрыва с марксистским экономикоцентризмом, Лаклау и Муфф полностью отказались от структуры экономического базиса как от своеобразной субстанции любого политического процесса (Laclau & Mouffe, 2001, p. 98). Политическая критика экономической идеологии классического марксизма в рамках их подхода заключалась в интерпретации самой по себе категории политического как первопричины любых социальных взаимоотношений. То есть именно политический антагонизм, существующий практически во всех сферах общественной жизни, отныне становился базовой характеристикой структуры тех или иных областей (в том числе экономики). Обращаясь к альтюссерровской концепции сверхдетерминации, Лаклау и Муфф стремились обосновать практику политического подчинения экономических структур воле того или иного коллективного субъекта, одержавшего победу в дискурсивной борьбе

за гегемонию. За счет гибридизации учения Альтюссера с подходом А. Грамши и рядом концептуальных систем отдельных представителей постструктурализма сторонники гегемонистского направления предложили рассматривать сам факт столкновения различных сообществ, стремящихся к подчинению механизмов производства нормативных дискурсов, в качестве первопричины формирования любых социальных структур. В рамках данного подхода политическое как таковое утрачивало характеристики надстроечного элемента по отношению к экономическому базису, порождающему все остальные сферы общественной жизни. Таким образом, политическое предшествовало социальному, которое в процессе постоянного противостояния разрозненных сообществ и групп создается за счет исхода политического конфликта различных дискурсивных формаций.

Критические выпады Лаклау и Муффа против социологических теорий единого общества как учредителя того или иного политического порядка в первую очередь касались их общего подхода к конструированию социальной идентичности посредством тех или иных форм политического конфликта. В частности, интерпретируя фиксированные структуры единого общественного организма в русле философского эссенциализма и теории идеологии Альтюссера, Лаклау рассматривал социальную совокупность индивидов и групп в качестве бесконечной игры различий, каждое из которых находится в процессе постоянного становления в борьбе за гегемонию собственной идентичности (Лаклау, 2003, с. 55). Таким образом, как и в случае с теоретиками ультраполитического направления, Лаклау и Муфф отказываются от восприятия политики как одной из сфер общественной жизни (наряду с культурой или экономикой). Однако в противовес интерпретации политики как эмансипаторного события, противостоящего существующей системе иерархии, сторонники гегемонистской линии рассматривали политическое в качестве первопричины любой существующей социальной структуры, возникшей в процессе столкновения многочисленных дискурсивных формаций. Вместо вертикального противостояния угнетенных сообществ и структурирующих практик полицейской системы (в терминологии Рансьера) теоретики гегемонии обратились к подходу К. Шмитта, позиция которого касалась интерпретации политической сферы как самой возможности противостояния друзей и врагов (Mouffe, 2005, p. 120).

В контексте перспектив политизации любой области современной общественной жизни Ш. Муфф делает акцент на бессмысленности телеологических установок по построению общества прозрачной коммуникации, основанного на открытых механизмах взаимодействия индивидов и групп друг с другом. Несмотря на то простое обстоятельство, что данная концепция дискурсивной борьбы за гегемонию была сформулирована до момента публикации посмертных рукописей самого Альтюссера, фактические пересечения его позиций с подходами сторонников гегемонистского направления в случае внимательного прочтения текстов французского философа становятся очевидными. Так, критикуя марксистское представление о коммунизме как обществе всеобщего снятия любых форм политического антагонизма, Альтюссер указывает на идеалистический характер представлений Маркса о коммунизме как обществе, основанном на практике прозрачных механизмов качественного раскрытия творческого потенциала индивидов (Althusser, 2006, p. 36–37). Другими словами, в отношении подлинного назначения политической философии как дисциплины, способствующей

вскрытию антагонистических отношений в тех или иных сферах общественной жизни, представители гегемонистской линии постальтюссерианства оказались куда ближе к взглядам самого Альтюссера, чем сами подозревали.

Закключение

Изначальное зарождение постальтюссерианства как широкой совокупности подходов различных мыслителей, испытавших в той или иной степени влияние идей Л. Альтюссера, не подразумевало четкой линии преемственности между самим французским философом и его бывшими учениками и последователями. То обстоятельство, что отдельные тексты различных периодов творчества Альтюссера послужили основой для формирования трех основных течений критического переосмысления его философской мысли, свидетельствует лишь о многозначности альтюссерианства как направления. Дальнейшее размежевание теоретиков отдельных подходов к интерпретации альтюссероовского наследия происходило под влиянием ряда других направлений социально-политической философии (итальянского операизма, делезианства, грамшианства, шмиттианства и др.). Тот факт, что сближение бывших альтюссерианцев с данными течениями способствовало дальнейшему поиску новых парадигм описания политического внутри современного социо-гуманитарного знания, свидетельствует лишь о дальнейших перспективах творческого наследия Альтюссера в XXI столетии.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что итоговое содержание определенных политики среди некоторых представителей постальтюссерианства существенным образом совпадает с аналогичными концепциями представителей иных направлений в современной политической философии. В частности, как справедливо указывает С. Жижек (2014), подход того же Балибара к определению трансиндивидуальности поразительно схож с теорией коммуникативного действия немецкого философа Ю. Хабермаса, учение которого полностью вписывается в классические либеральные представления о будущем обществе прозрачной коммуникации (с. 235). Таким образом, стремясь к модернизации учения Альтюссера, Балибар не только обращается к тем мыслителям, идеи которых полностью противоречат исходному источнику его же собственных философских воззрений, но и фактически лишает собственную концептуальную систему существенных отличительных признаков, выделяющих его политическую теорию на фоне более известных направлений. Помимо данного аспекта, затрудняющего процесс дальнейшей рецепции учения Альтюссера в контексте современной философской рефлексии, отсутствие какого-либо методологического потенциала среди концепций постальтюссерианцев также становится серьезным препятствием на пути дальнейшего развития теории. С учетом того, что те же сторонники ультраполитического направления на уровне базовых посылок исходят из отрицания большинства методологических моделей в современных гуманитарных науках, вопрос о дальнейшем развитии данного подхода в политической философии, которая в рамках нынешней структуры междисциплинарного синтеза активно соприкасается с различными видами научного знания (как естественного, так и гуманитарного), остается крайне неопределенным.

В противоположность обоим вышеописанным направлениям внутри пост-альтуссеррианской парадигмы, теоретики гегемонистского течения не склонны к радикальной оппозиции собственной теории по отношению к остальным формам знания об обществе и политике. Стремясь к критическому анализу либеральной парадигмы внутри современной политической теории, Лаклау и Муфф на уровне базовых оснований, как известно, исходят из неспособности большинства современных политических теоретиков (например, Дж. Ролза или Ю. Хабермаса) ставить перед собой подлинно политические проблемы, связанные с объективными интересами коллективного антагонизма отдельных групповых идентичностей. Фактически именно данный аспект в свое время являлся ключевым тезисом критики Альтюссером классического марксизма из-за неспособности самого Маркса отойти от историцистской парадигмы диалектической системы Гегеля, что также осложнялось для него влиянием политической экономии А. Смита, стремящегося к обоснованию неизбежности установления прозрачных механизмов рыночного обмена (Althusser, 2006, p. 37).

Таким образом, на наш взгляд, именно теоретики гегемонистского направления оказываются наиболее последовательными наследниками Альтюссера, что автоматически сближает их подход с учением К. Шмитта, идеи которого в последние годы также обретают популярность среди академических исследователей. Учитывая тот факт, что ряд новейших направлений в современной политической философии (наподобие левого акселерационизма или постанархизма) фактически осуществляют возврат к классическим идеям построения гармоничного общества, ключевой задачей для альтюссерианства в XXI в. остается идея развития непосредственно антагонистического измерения социальной реальности, находящейся в процессе постоянного становления и реконфигурации конфликтующих сторон.

Список литературы

1. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
2. Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
3. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
4. Жижек, С. (2014). *Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии*. М.: Дело.
5. Лаклау, Э. (2003). Невозможность общества. *Логос*, (4–5), 54–57.
6. Рансьер, Ж. (2013). *Несогласие: Политика и философия*. СПб.: Machina.
7. Рикёр, П. (2008). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: Академический проект.
8. Розанваллон, П. (2007). *Утопический капитализм. История идеи рынка*. М.: Новое литературное обозрение.
9. Саркисянц, А. А. (2016). Место события: устройство политического у Жака Рансьера. *Социология власти*, 28(4), 14–34.
10. Уэст, Д. (2015). *Континентальная философия: Введение*. М.: Дело.

11. Штраус, Л. (2000). *Введение в политическую философию*. М.: Логос, Праксис.
12. Althusser, L. (1999). *Machiavelli and us*. London & New York: Verso.
13. Althusser, L. (2003). *The humanist controversy and other writings* (1966–67). London & New York: Verso.
14. Althusser, L. (2006). *Philosophy of the encounter. Later writings, 1978–87*. London & New York: Verso.
15. Balibar, E. (2002). *Politics and the other scene*. London & New York: Verso.
16. Jameson, F. (1992). *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. London & New York: Verso.
17. Laclau, E., & Mouffe C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Toward a radical democratic politics*. London & New York: Verso.
18. Mouffe, C. (2005). *On the political*. London & New York: Routledge.
19. Negri, A. (1991). *The savage anomaly: The power of Spinoza's metaphysics and politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
20. Rancière, J. (2011). *Althusser's lesson*. London & New York: Continuum.
21. Sotiris, P. (2020). *A philosophy for communism: Rethinking Althusser*. Leiden & Boston: Brill.

References

1. Althusser, L. (1999). *Machiavelli and us*. London & New York: Verso.
2. Althusser, L. (2003). *The Humanist controversy and other writings* (1966–67). London & New York: Verso.
3. Althusser, L. (2006). *Philosophy of the encounter. Later writings, 1978–87*. London & New York: Verso.
4. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics. Can politics be thought? A short treatise on metapolitics]. Moscow: Logos.
5. Balibar, E. (2002). *Politics and the other scene*. London & New York: Verso.
6. Deleuze, G., & Guattari, F. (2010). *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
7. Jameson, F. (1992). *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. London & New York: Verso.
8. Laclau, E. (2003). Nevozmozhnost' obshchestva [The impossibility of society]. *Logos*, (4–5), 54–57.
9. Laclau, E., & Mouffe C. (2001). *Hegemony and socialist strategy: Toward a radical democratic politics*. London & New York: Verso.
10. Mouffe, C. (2005). *On the political*. London & New York: Routledge.
11. Negri, A. (1991). *The savage anomaly: The power of Spinoza's metaphysics and politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
12. Rancière, J. (2011). *Althusser's lesson*. London & New York: Continuum.
13. Rancière, J. (2013). *Nesoglasie: Politika i filosofiya* [Disagreement: Politics and philosophy]. Saint Petersburg: Machina.
14. Ricoeur, P. (2008). *Konflikt interpretacij. Ocherki o germeneytike* [The conflict

- of interpretations: Essays in hermeneutics]. Moscow: Akademicheskij proekt.
15. Rosanvallon, P. (2007). *Utopicheskij kapitalizm. Istoriya idei rynka*. [Utopian capitalism: The history of the market ideas]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
  16. Sarkisyants, A. A. (2016). Mesto sobytiya: ustrojstvo politicheskogo u Zhaka Rans'era [A place of the event: Arrangement of the political in theory of Jacques Rancière]. *Sociologiya vlasti*, 28(4), 14–34.
  17. Sotiris, P. (2020). *A philosophy for communism: Rethinking Althusser*. Leiden & Boston: Brill.
  18. Strauss, L. (2000). *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to political philosophy]. Moscow: Logos, Praxis.
  19. Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: For an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Press.
  20. West, D. (2015). *Kontinental'naya filosofiya: Vvedenie* [Continental philosophy: An introduction]. Moscow: Delo.
  21. Žižek, S. (2014). *Shhekotlivyj sub"ekt: Otsutstvuyushhij centr politicheskoy ontologii* [The ticklish subject: The absent centre of political ontology]. Moscow: Delo.

Информация об авторе

Сергей Александрович Ребров, аспирант кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2993-5945>, e-mail: naruto639@mail.ru

Information about the author

Sergey Aleksandrovich Rebrov, Postgraduate Student of the Department of Political Theory and Political Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2993-5945>, e-mail: naruto639@mail.ru